

А. И. Тимошенко

**ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.: ФРОНТИРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-104-111

УДК 94(571)“19”

ББК 63.3(285)63

В статье рассматриваются проблемы, связанные с индустриальным строительством в Сибири во второй половине XX в., как вариант фронтальной модернизации. Автор полагает, что такой ракурс анализа проблемы несет в себе оригинальные черты, так как в историографии, как правило, фронтальность связывают с более ранними периодами в истории Сибири. Доказывается, что в советское время, а именно во второй половине XX в., в регионе еще сохранялись территории первичного освоения, где происходило активное индустриальное строительство, создавались новые предприятия и населенные пункты. Такими территориями являлись районы нового промышленного освоения, которые обживались мигрантами из различных регионов СССР. Эти территории определенное время сохраняли признаки фронтальности (прежде всего это неразвитость транспортной, социокультурной и бытовой инфраструктуры, миграционная динамика и непостоянство населения, связанные со спецификой освоения перекосы в его демографической и социальной структуре). Хотя советский фронт в Сибири как в тыловом регионе СССР не являлся, в отличие от предшествующих эпох, передовой линией военной экспансии, фронтальность здесь проявлялась в функциональной однобокости регионального развития: экономику региона определяли не только сырьевые отрасли, но и военно-оборонные предприятия, которые поддерживали милитарную составляющую экономики СССР. В результате исследования сделаны выводы о том, что в Сибири, как правило, фронтальные зоны формировало активное индустриальное строительство в местах, вообще не освоенных или слабо затронутых человеческой деятельностью. При данных обстоятельствах фронтальная модернизация рассматривается в качестве исторически прогрессивного процесса, ускоряющего переход не освоенных в экономическом и социально-демографическом смысле территорий в лоно индустриальной цивилизации.

Ключевые слова: *Сибирь, регион, фронтальная модернизация, социально-экономическое развитие, освоение территории, индустриальное строительство*

Проблемы фронта начали активно обсуждаться в российской историографии в 1990-х гг. Из сибирских историков одними из первых освоение Сибири в контексте фронта стали рассматривать А. Д. Агеев, Д. Я. Резун, М. В. Шиловский, А. С. Хромых и др. В настоящее время как в отечественной, так и в зарубежной историографии под фронтальностью понимается специфика экономических, социальных и культурных процессов, обусловленная относительно длительным существованием подвижной границы освоения новых территорий. Это, в свою очередь, определило характер фронта как зоны активного контакта между цивилизациями и культурами, традициями и новациями. В этом заключается суть исследуемой проблемы.

Мы полагаем, что понятие «фронт», с известными поправками, — в частности, в более отчетливом модернизационном аспекте —

можно применять и к советской эпохе. Введенное в научный оборот И. В. Побережниковым понятие «фронтальная модернизация»,¹ на наш взгляд, может быть применимо к изучению динамичных процессов хозяйственного освоения Сибири второй половины XX в. даже в большей степени, чем к исследованию более ранних эпох. Именно с 1950-х гг. развитие Сибири приобрело новое качество: его основой стало реализация масштабных экономических программ национального значения, связанных с возведением крупнейших в мире, технологически передовых предприятий и городов современного типа среди девственной сибирской тайги, в районах, которых прежде зачастую вообще не были затронуты экономическим развитием.

¹ См.: Побережников И. В. Модель фронтальной модернизации (на примере восточных регионов России в XVIII–XIX вв.) // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Подходы, исследования, результаты. Новосибирск, 2010. С. 34–41; Он же. Фронтальная модернизация в российском цивилизационном контексте // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества: проблемы урбанизации и индустриализации. Новосибирск, 2013. С. 3–10.

В результате реализации Ангаро-Енисейской программы в Восточной Сибири сформировалось сразу нескольких крупных территориально-производственных комплексов (ТПК), и, прежде всего, на незаселенных, никогда не осваивавшихся территориях. В 1960–1970-е гг. эстафета ускоренного развития перешла к северу Западной Сибири, где начал формироваться крупнейший нефтегазодобывающий комплекс, резко усиливший позиции Сибири как в национальной, так и мировой экономике. В 1970–1980-е гг. в орбиту ускоренного индустриального освоения стремительно вовлекаются районы Восточной Сибири и Дальнего Востока, где развернулось строительство Байкало-Амурской магистрали, которая, в свою очередь, должна была сыграть пионерную роль в хозяйственном освоении прилегающей к ней обширной горнотаежной зоны. Новые районы заселялись и обживались мигрантами, прибывавшими из разных регионов страны и представлявших самые различные национальности СССР. Возможность взглянуть на советский опыт освоения Сибири второй половины XX в. сквозь призму «фронтирной модернизации» содержит в себе определенную новизну, так как до сих пор в историографии фронтирность связывали с более ранними периодами в истории Сибири и практически не соотносили с индустриальным строительством современного типа.

Именно во второй половине XX в. индустриальное развитие Сибирь, вместо опоры на сложившиеся ранее очаги промышленности, всё больше приобретало черты экспансии на неосвоенные территории, заселенность которых убывала по мере продвижения на северо-восток. В процессе ее освоения происходило вторжение современной индустриальной цивилизации в малонаселенные районы тайги и тундры, практически еще не вовлеченные в экономический оборот и социальную жизнь страны. При этом редуцирующее влияние примитивной среды, в которой оказывались вновь возводимые предприятия, еще долго проявлялось в неразвитом состоянии транспортной и социальной инфраструктуры, что являлось одним из признаков фронтирности.

О важности индустриальной экспансии в Сибирь в советский период писал академик В. В. Алексеев в своей работе «Освоение Сибири: исторический опыт и современность». Он считает, что регион и к началу XXI в. был еще недостаточно освоенным. Хотя здесь имелись отдельные экономически освоенные и обжи-

тые «очаги» развития (по терминологии автора), превосходящие по территории целые государства, но существовало также немало столь же крупных районов, которых пока не коснулась современная цивилизация.² В. В. Алексеев подчеркивает, что роль Сибири в индустриальном развитии СССР резко возросла уже в 1930-е гг., когда необходимо было осваивать минерально-сырьевые ресурсы региона, создавать в тыловом районе государства военно-оборонные производства. Строительство Урало-Кузнецкого комбината, как считает ученый, сыграло ключевую роль в годы Великой Отечественной войны, когда Урал и Западная Сибирь стали надежным тылом страны, взяв на себя «основное бремя поставки вооружений и стратегических материалов для военной экономики». Эта целевая функция определяла индустриальное развитие Сибири и в годы «холодной войны», когда противостояние со странами Запада (прежде всего с США) еще более усилилось, и поэтому необходимо было развивать экономику региона, изучать и осваивать новые, более продуктивные месторождения полезных ископаемых.³

Таким образом, во второй половине XX в. в Сибири еще существовали обширные территории, где только начинало разворачиваться индустриальное строительство и, соответственно, присутствовали признаки фронтирности. В регионе в условиях слабой заселенности и малой хозяйственной освоенности ускоренные процессы индустриальной модернизации неизбежно принимали фронтирный характер, поскольку здесь непосредственно приходили во взаимодействие наиболее отсталые и наиболее передовые социально-экономические компоненты общества. Для районов нового промышленного освоения (РНПО) Сибири была характерна повышенная миграционная активность, затруднявшая формирование здесь более или менее стабильного состава населения. Это, в свою очередь, усиливало социокультурную неоднородность населения, смешение в образе его жизни различных традиций и социальных практик, характерных для представителей разных социально-профессиональных, культурных и этнических групп, прибывавших на новостройки. Адаптация мигрантов к непривычным условиям, в свою очередь, приводила к возникновению ряда новых черт в их образе жизни.

² См.: Алексеев В. В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004. С. 229–245.

³ Там же. С. 233–235.

Особенно значительной миграционная активность была на начальных стадиях освоения Сибири, что прежде всего отражалось в подвижности кадровых контингентов. Так, например, в трудовых коллективах Главсибтрубопроводстроя текучесть кадров в 1970-е гг. составляла около 70 %; медленно снижаться она начала только в 1980-е гг., которые стали своего рода рубежом стабилизации кадрового состава предприятий. В тресте Уренгойтрубопровод в 1981–1986 гг. текучесть рабочих кадров снизилась более чем вдвое, в тресте Севертрубопроводстрой — в 4,3 раза, в тресте Казымгазпромстрой — в 5 раз.⁴

В советское время применялся целый ряд мер по стимулированию переезда преимущественно молодых людей в РНПО Сибири. В законодательном порядке устанавливались повышающие районные коэффициенты к заработной плате, различные доплаты за экспедиционно-вахтовый и разъездной характер трудовой деятельности, осуществлялось бронирование квартир по прежнему месту жительства и пр. Общественный призыв молодежи на стройки Сибири предусматривал различные методы морально-психологического воздействия на ее убеждения и жизненные ценности. В сознание молодежи активно внедрялись идеи патриотизма и общественного служения, подчеркивалась общественная значимость и престижность работы на крупнейших стройках, часто объявлявшихся Всесоюзными ударными комсомольскими и, соответственно, получавших приоритетное финансирование и внимание государственных органов управления всех уровней.⁵

Главными мотивами прибывающих в РНПО молодых людей были ожидания социального самоутверждения, карьерного роста, жизненных перемен. Средства массовой информации стремились к созданию положительных образов героев-первопроходцев — геологов, строителей, путейцев, нефтяников, трудившихся на благо страны. В центральной прессе (особенно комсомольско-молодежной) тематика РНПО неизменно занимала ведущие места. На страницах многочисленных

изданий публиковались материалы не только о производственных достижениях и рекордах коллективов, трудившихся в районах нового освоения, но и о конкретных людях, передовиках производства. Пресса создавала вокруг таких людей романтический ореол, подчеркивая их патриотизм, самоотверженность, упорство в достижении целей, активную жизненную позицию. Это, безусловно, влияло на выбор молодых людей ехать на новостройки Сибири.

Социологи практически весь советский период фиксировали романтические и патриотические устремления юношей и девушек в мотивациях прибытия в РНПО Сибири. Так, например, во время анкетирования работников Усть-Илимской ГЭС в 1970 г. на вопрос «Почему вы приехали на стройку?» 63 % опрошенных ответили, что хотели участвовать в большом и важном для страны деле, 34 % сказали, что их привлекли новые места, и только 17 % заявили о материальной заинтересованности.⁶

Благодаря перечисленным мерам удавалось организовать, в буквальном смысле, массовые потоки молодежи на новостройки. Эти молодежные группы прибывали со всех территорий страны, в том числе и из союзных республик, где, несмотря на нивелирующее воздействие советского интернационализма, сохранялись свои специфические традиции, особенности в образе жизни и ментальности населения. С одной стороны, миграции выступали мощным фактором количественного роста населения РНПО Сибири, а с другой — они значительно увеличивали его разнородность не только за счет увеличения диапазона возрастов (омоложение), но и за счет изменения образовательного, социокультурного уровней и т. п. Большое влияние на характеристики населения оказывали этнонациональные и региональные особенности мест исхода мигрантов, которые по прибытии в РНПО переключались на общие цели, связанные с освоением и обживанием новых мест, часто находящихся в неблагоприятных природно-климатических условиях, и проходили непростой процесс адаптации.

Поселенцы-пионеры в массе своей осознавали, что реализуют в Сибири национально значимые экономические планы, строят современные крупные индустриальные предприятия

⁴ См.: Алексеев В. В., Логунов Е. В., Шабанов П. П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. Свердловск, 1987. С. 104, 105.

⁵ См.: Тимошенко А. И. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтальной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 143.

⁶ См.: Тимошенко А. И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. Планы и реальность. Новосибирск, 2009. С. 154.

и новые города. В таком контексте фронтальная модернизация не только объективно представляла собой, но и субъективно осознавалась как исторически неизбежный процесс, ускоряющий переход малоосвоенных человеком территорий в лоно индустриальной цивилизации. За счет динамизма развития в РНПО Сибири довольно быстро могли ослабевать или даже утрачиваться признаки фронтальности, характерные для начального периода индустриального строительства.

Типичным признаком «фронтальности» индустриальных новостроек являлось преобладание мужского населения, особенно в северных местностях с суровыми природно-климатическими условиями, где на стадии пионерного освоения месторождений полезных ископаемых, на строительстве железных дорог и трубопроводов были востребованы, прежде всего, мужские профессии. Лишь постепенно, в ходе обживания территории и создания элементарной социально-бытовой инфраструктуры городского типа, сюда начинали прибывать и женщины. Половозрастной состав населения постепенно становился более сбалансированным, но этот процесс занимал немалое время даже в относительно благоприятных для жизни районах. Так, в Братске выравнивание соотношения полов произошло только примерно через 15 лет.⁷ В городах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса — Сургуте, Ноябрьске, Новом Уренгое и других — дисбаланс мужского и женского населения сохранялся более длительное время. В ряде местностей Крайнего Севера его можно считать постоянной характеристикой. Участниками экономической экспедиции СО АН СССР в Арктику под руководством академика А. Г. Аганбегяна (1980 г.) было отмечено, что в некоторых северных поселках на 1 тыс. мужчин приходилось только 100 женщин.⁸

Государство обращало внимание ведомств, ведущих освоение новых территорий, региональных властей, руководства предприятий на необходимость создания условий, способствующих притоку женского населения; предпринимались попытки создания предприятий и служб, рассчитанных на применение «женского» труда. Однако проблема

решалась с большим трудом, поскольку сама обстановка фронта объективно делала закономерным преобладание в районах нового освоения сугубо мужских профессий и, соответственно, перевес мужского населения. Пропорция женского населения постепенно увеличивалась, что, как правило, напрямую было связано с развитием городов и поселков, формированием в них социально-бытовой инфраструктуры, учреждений торговли, образования, культуры и досуга. Однако во многих из них до примерного паритета было далеко в течение всего периода освоения. Так, в населенных пунктах, где размещались строители БАМа, в 1975–1976 гг. доля мужчин составляла 71,6 %, в 1981 г. — 66,3 %, в 1985 г. — 62,1 %. Диспаритет полов серьезно препятствовал созданию здесь новых семей и повышению рождаемости населения, а это, в свою очередь, не способствовало его закреплению в зоне магистрали. От 55 до 83 % опрошенных молодых мужчин-строителей БАМ в 1981 г. заявили, что основным препятствием к созданию ими семьи является отсутствие невест и что поэтому они не собираются оставаться в зоне магистрали по окончании ее строительства.⁹

Государство стремилось разрешить проблему несбалансированности социально-демографической структуры населения в РНПО, не только развивая социальную инфраструктуру, но и стимулируя идеализм молодых строителей Сибири, объединяя их общим делом и связывая его с жизненными перспективами молодежи. И это часто удавалось, поскольку иначе невозможно объяснить тот факт, что значительная часть молодежи длительное время сохраняла привязанность к своим новостройкам и к делу освоения Сибири в целом; некоторые, например, после завершения строительства очередной ГЭС целыми бригадами перемещались на новые строительства. Многие не считали себя здесь временными жителями, заводили семьи, рожали детей, терпеливо переживали трудности начального периода освоения, добиваясь в своей трудовой деятельности высоких результатов. Данные Всесоюзных переписей населения свидетельствуют, что на фоне довольно умеренных и даже несколько замедленных темпов роста населения Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX в. (за период 1959–1979 гг. его общий удельный

⁷ См.: Долголюк А. А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980. Новосибирск, 1988. С. 60–62.

⁸ См.: Ибрагимова З. В Арктику, к истокам будущего! // ЭКО. 1981. № 11. С. 102.

⁹ См.: Белкин Е. В., Шереги Ф. Э. Формирование населения в зоне БАМ. М., 1985. С. 45.

вес в масштабе страны даже несколько уменьшился) население РНПО очень быстро росло. Здесь темпы роста городского населения значительно превышали региональные и средние общесоюзные показатели. Своеобразный «бум» прироста городского населения наблюдался именно в местах интенсивного индустриального строительства и разработки месторождений полезных ископаемых. Так, в Тюменской области городское население увеличилось в 3 раза, в Ханты-Мансийском автономном округе — в 13,4 раза. В Восточной Сибири из 2,4 млн человек прироста городского населения почти половина приходилась на новые города региона.¹⁰

Это факт особенно примечателен в свете того факта, что индустриальное освоение ряда районов Сибири часто вообще начиналось при полном отсутствии городов и городского населения. Индустриализация и урбанизация в РНПО происходила очень быстрыми темпами, но контрасты с общей неразвитостью формирующейся экономической структуры и культурной среды, а следовательно, признаки фронтирности исчезали далеко не сразу. Сроки освоения и обживания новых экономических районов часто резко форсировались, и формирование там элементов городской среды и городской культуры порой очень быстро создавало иллюзию «нормальности» этих поселений. Однако она могла быстро утрачиваться в условиях, когда монопроизводство в городе или рабочем поселке становилось по каким-то причинам невостребованным.

Большое влияние на социально-экономические процессы оказывало снижение темпов производственного строительства и неопределенность его перспектив. Исторический опыт содержит немало примеров прямой зависимости освоения территории Сибири от активности и устойчивости производственной деятельности. С расширением фронта работ по возведению и пуску в эксплуатацию крупных индустриальных объектов росло количество рабочих мест и потребность в трудовых ресурсах, а значит, и увеличивалась интенсивность миграционного притока. Для людей были очень важны четкие и обозначенные на перспективу производственные планы. Они являлись одним из главных факторов формирования стабильных трудовых коллективов и населения, а следовательно, и успешного ос-

воения территории. Нестабильность же производственных программ, произвольная смена экономических приоритетов не только не способствовали притоку новых людей в РНПО, но и формировали у тех, кто уже проживал там, настроения к отъезду. В такие периоды рост численности населения здесь приостанавливался; отдельные поселки даже теряли своих жителей, которые стремились переехать в более надежные с точки зрения развития производства и заработка места.

Перераспределение трудовых ресурсов страны в пользу районов, где строились новые предприятия, планировалась активная разработка месторождений полезных ископаемых и других природных ресурсов, было только начальной фазой реализации государственной политики освоения Сибири. Гораздо более важной и трудной задачей становилось последующее закрепление населения в новых промышленных центрах региона, максимально возможное снижение миграционного оборота. Для решения этих задач проводились мероприятия государственной миграционной политики, которые в конечном итоге должны были дать главный результат — обеспечить РНПО Сибири стабильными трудовыми ресурсами для развития производства. Но если первая задача решалась более или менее успешно, то вторая — крайне неравномерно и противоречиво. Специальные пропагандистские мероприятия, решения о дополнительных льготах и выплатах привлекали большое количество людей в Сибирь. Вместе с тем приживаемость приехавших на новостройки была очень слабой.¹¹

Проблемы закрепления населения в РНПО Сибири при советской системе государственного управления решались, как правило, ведомствами, которые действовали по своему усмотрению, часто отдавая приоритет производственным задачам, а не закреплению населения. Надо отметить, что в 1970–1980-е гг. ведомственность достигла своего апогея. Этот факт отмечался как на государственном уровне, так и учеными при рассмотрении различных конкретных вопросов развития РНПО в Сибири. Многочисленные министерства и ведомства, находясь, как правило, в Москве, не всегда эффективно использовали выделяемые государственные средства и ресурсы. В результате страдало население, которое не получало

¹⁰ См.: Тимошенко А. И. Государственная политика... С. 80.

¹¹ См.: Тимошенко А. И. Индустриальное строительство в Сибири... С. 147.

во время комфортного жилья, мест в детских садах и школах. Всё это настраивало людей на отъезд из региона.

В РНПО Сибири упорно сохранялась традиция рассматривать процессы хозяйственного освоения новых территорий и природных ресурсов, развития новых производств в отрыве от человека, ради которого, по сути, это всё и должно было делаться. Развитие социальной сферы, в частности строительство комфортного жилья для населения РНПО, оценивалось лишь с точки зрения обеспечения производства и строительства трудовыми ресурсами. Основная задача государственной политики и хозяйственного управления связывалась исключительно с закреплением населения в новых городах и поселках, с формированием стабильных трудовых коллективов для выполнения производственных программ. Но при таком усеченном понимании социальных целей задача решалась неэффективно. Было подсчитано, что только экономические потери от слабой приживаемости в РНПО Сибири и Дальнего Востока в 1961–1980 гг. составляли примерно 800 млн руб. в год.¹²

Ведомственность была одной из самых выразительных черт практики государственного управления, которая сложилась в РНПО Сибири во второй половине XX в. Новые города, как правило, принадлежали ведомствам, организующим на подведомственных территориях не только производственную деятельность населения, но и социально-бытовую. Тем самым они сосредоточивали всю реальную власть на местах, ставя в подчиненное положение все другие региональные органы. Приоритетность производственных программ позволяла, с одной стороны, значительно ускорять процессы пионерного освоения новых территорий, но с другой — консервировала их гетерогенность и зависимость от ведомственных структур.

Вместе с тем региональные органы многое делали для приживаемости населения в городах РНПО Сибири. Например, в Норильске была разработана целая система для стабилизации трудовых коллективов. При городском комитете КПСС и горисполкоме действовал специальный штаб, контролировавший главные жизнеобеспечивающие системы города, связанные со здоровьем населения, социаль-

но-бытовым обслуживанием, обеспечением комфортных условий проживания и труда. Каждая из данных систем вносила свой вклад в приживаемость населения в северном городе. Местные органы управления своим активным участием добились установления для норильчан особых норм жизнеобеспечения. Например, в городе были установлены повышенные нормы питания с преобладанием жиров и белков. По рекомендациям медиков были организованы тепличные хозяйства для производства на месте витаминной продукции. Из года в год увеличивалось производство и добыча оленины, так как были доказаны ее уникальные свойства, необходимые для северян. Местная пищевая промышленность перешла на производство специальных хлебобулочных изделий, обогащенных витаминами, напитков с витамином С. Особое внимание обращалось на обеспечение витаминами блюд в сети общественного питания, в образовательных учреждениях.¹³

Разработанная система дала заметные результаты. В течение 1975–1985 гг. удалось улучшить демографические показатели, стабилизировать контингент работников в трудовых коллективах, улучшить здоровье норильчан. Особенно заметно укрепилось здоровье детей, что выразилось в сокращении больничных листов по уходу за ними. По ориентировочным подсчетам, в 1981 г. в городе был достигнут условный экономический эффект от снижения трудопотерь примерно в 16 млн руб., за счет устранения временной нетрудоспособности сэкономлено 200 тыс. человеко-дней. В 1980-е гг. приходилось даже отказывать людям, желавшим приехать в Норильск на постоянное местожительство.¹⁴

Население Норильска само активно участвовало в организации системы жизнеобеспечения в городе. Например, горожане создавали общественные организации, контролировавшие работу городского транспорта, бытовых и торговых предприятий, общепита. Пример Норильска показывает, что в условиях фронтности, при наличии множества острых проблем в сфере жизнеобеспечения, характерным явлением было возникновение особых и весьма активных форм самоорганизации населения. В 1960-е гг. много жилых домов и зданий для предприятий соцкультбыта

¹² См.: Тимошенко А. И. Адаптация населения в новых городах Сибири в 1950–1980-е гг. // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Новосибирск, 2007. Вып. 2. С. 156.

¹³ Там же. С. 157.

¹⁴ Там же. С. 157, 158.

в городе было построено методом «народной стройки», который заключался в том, что горожане работали бесплатно, за что получали квартиры вне очереди в новых домах. Для многих также немаловажным был факт открытия предприятий соцкультбыта в городе.¹⁵ Опыт Норильска по адаптации и закреплению населения в северных районах использовался в Сургуте, Нефтеюганске, Новом Уренгое и других городах. Актуальным он оказался и в зоне строительства БАМа.

Таким образом, можно сказать, что в процессах промышленного освоения Сибири во второй половине XX в. (преимущественно в советский период) проявились своеобразные черты фронтальной модернизации, благодаря чему в короткие исторические сроки был осуществлен переход к современной индустриальной цивилизации на ранее слабо обжитых человеком территориях. Несмотря на противоречивость и социальную несбалансированность процесса освоения, модель фронтальной модернизации оказалась достаточно эффективной в вовлечении районов Сибири, богатых природными ресурсами, в общее русло индустриального развития СССР.

«Фронтальный» ракурс исследования процессов индустриального освоения Сибири, безусловно, не может претендовать на открытие какой-то новой исторической реальности, которая была обойдена вниманием историков.

Его эвристическая функция, на наш взгляд, заключается в помещении хорошо известного исторического материала в совершенно новую исследовательскую перспективу, чем обеспечивается более глубокий и дифференцированный взгляд на социальные механизмы, лежащие в основе динамики индустриального освоения. Выявление и систематизация ряда выразительных социальных черт, сопровождавших процессы нового индустриального освоения, как признаков фронтальности (пусть даже представляющих в изрядно трансформированном виде и потому не всегда узнаваемых) позволяет лучше улавливать человеческое измерение массовых экономических и социальных процессов, в частности видеть во всем разнообразии социально-мотивационную основу движения людей на новые территории, неформальные социальные практики, спонтанные эффекты самоорганизации повседневной жизни в районах индустриальных новостроек. Историки до сих пор мало обращались к этим аспектам истории районов нового промышленного освоения. Фронтальный подход позволяет видеть, что даже в такой жесткой политико-институциональной, идеологизированной системе, какой была советская, социальное поведение участников индустриального освоения Сибири никогда не являлось простой проекцией государственной воли и инициированных ею планов.

Albina I. Timoshenko

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: timoshenkoai@ngs.ru

INDUSTRIAL DEVELOPMENT IN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY: FRONTIER DIMENSION

The article studies the problems of industrial development in Siberia in the second half of the 20th century as one of the variants of frontier modernization. The author believes that this approach adds a new dimension to the problem, since in traditional historiography the concept of frontier was, as a rule, used to describe the much earlier periods in the history of Siberia. It is demonstrated that during the Soviet period, more specifically in the second half of the 20th century, in some territories of the region the initial colonization still continued. These were the territories of the active industrial development where new companies and towns were built from scratch. The new industrial development territories were colonized by the migrants from various regions of the USSR. For a certain period of time these territories maintained the attributes of frontier areas (first of all the insufficient transport, socio-cultural and the ordinary life infrastructure; the migration dynamics and the population turnover; the significant, industrial development related imbalances in the region's demographic and social structure). Even though the frontier in Siberia, the deep inland region of the USSR, was not, in contrast to the frontiers of the previous periods, the forefront of the military expansion, the frontier quality was manifested by a functional one-sidedness of the

¹⁵ См.: Тимошенко А. И. Государственная политика... С. 125, 126.

regional development: the region's economy was driven, in addition to the raw materials industries, by the defense industry enterprises supporting the military component of the USSR economy. The author came to a conclusion that in Siberia the frontier zones were formed, as a rule, as a result of the active industrial development in the scarcely populated or virtually untouched by any human interference areas. Under the circumstances the frontier modernization is considered as a positive historical process accelerating the transition of the economically, socially and demographically undeveloped territories into the fold of the industrial civilization.

Keywords: *Siberia, region, frontier modernization, socio-economic development, land development, industrial construction*

REFERENCES

- Alekseev V. V. *Obshchestvennyy potentsial istorii* [Social potential of history]. Ekaterinburg: Uralskiy gumanitarnyy institut Publ., 2004, 642 p. (in Russ.).
- Alekseev V. V., Logunov E. V., Shabanov P. P. *Opyt resheniya kadrovyykh problem v neftegazovom stroitelstve Sibiri* [Experience in solving personnel problems in the oil and gas construction of Siberia]. Sverdlovsk: UrGU Publ., 1987, 176 p. (in Russ.).
- Belkin E. V., Sheregi F. E. *Formirovanie naseleniya v zone BAM* [Formation of the population in the BAM zone]. Moscow: Mysl Publ., 1985, 148 p. (in Russ.).
- Dolgolyuk A. A. *Formirovanie trudovykh kollektivov Bratsko-Ust-Ilimskogo TPK. 1955–1980* [Formation of labor collectives of the Bratsk-Ust-Ilimsk TPK. 1955–1980.]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1988, 241 p. (in Russ.).
- Ibragimova Z. [To the Arctic, to the origins of the future!]. *EKO* [ECO], 1981, no. 11, pp. 96–153. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Frontal modernization in the Russian civilizational context]. *Regionalnye aspekty tsivilizatsionnogo razvitiya rossiyskogo obshchestva: problemy urbanizatsii i industrializatsii* [Regional Aspects of the Civilizational Development of Russian Society: Problems of Urbanization and Industrialization]. Novosibirsk: Parallel Publ., 2013, pp. 3–10. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization model (using the example of the eastern regions of Russia in the 18th–19th centuries)]. *Stanovlenie industrialno-urbanisticheskogo obshchestva v Uralo-Sibirskom regione. Podkhody, issledovaniya, rezultaty* [Formation of an industrial-urban society in the Ural-Siberian region. Approaches, research, results]. Novosibirsk: Parallel Publ., 2010, pp. 34–41. (in Russ.).
- Timoshenko A. I. [Adaptation of the population in the new cities of Siberia in the 1950s–1980s]. *Formirovanie i adaptatsiya naseleniya v rayonakh industrialnogo osvoeniya Sibiri* [Formation and adaptation of the population in the areas of industrial development of Siberia]. Novosibirsk: Parallel Publ., 2007, iss. 2, pp. 150–170. (in Russ.).
- Timoshenko A. I. *Gosudarstvennaya politika formirovaniya i zakrepleniya naseleniya v rayonakh novogo promyshlennogo osvoeniya Sibiri v 1950–1980-e gg. Plany i realnost* [State policy of formation and consolidation of the population in the areas of new industrial development of Siberia in the 1950–1980s. Plans and reality]. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatelstvo Publ., 2009, 174 p. (in Russ.).
- Timoshenko A. I. [Industrial construction in Siberia in the second half of the 20th century as a variant of frontier modernization]. *Modernizatsiya v usloviyakh osvoeniya vostochnykh regionov Rossii v XVIII–XX vv.* [Modernization in terms of development of the eastern regions of Russia in the 18th–20th centuries]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2012, pp. 141–148. (in Russ.).

К статье А. И. Тимошенко

Строители Усть-Илимской ГЭС. Иркутская область, 1978 г.

Открытие моста через р. Лену на трассе Байкало-Амурской магистрали.
Якутская АССР, 1986 г.

«Тюмень зовёт!» Художник Р. В. Сурьянинов. Плакат, 1980